

С · Е · Р · Г · Е · Й

МИНАЕВ

**Духless 21 века.
СЕЛФИ**

Издательство АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М61

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Художественное оформление — *Андрей Фerez*

Серийное оформление — *Екатерина Фerez*

Минаев, Сергей Сергеевич.

М61 Духless 21 века. Селфи : [роман] / Сергей Минаев. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 384 с. — (Эксклюзивная новая классика).

ISBN 978-5-17-101741-5

В жизни известного писателя и телеведущего Владимира Богданова есть все составляющие успеха: автограф-сессии, презентации, прямой эфир, ночные клубы, поклонницы — и все это его давно не воодушевляет.

Но внезапно ход событий становится подвластным чьей-то злой воле, и герой в одночасье теряет работу, славу, друзей, любимую женщину. Он остается один на один с самим собой — и со своим отражением в глазах других людей.

Чей же образ они запечатлели? Почему он не узнает себя на фото и видео? И как ему вернуть свою жизнь?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-101741-5

© Минаев С.
© ООО «Издательство АСТ»

Селфи (англ. *selfie*) — разновидность автопортрета, заключающаяся в запечатлении себя на фотокамеру. Поскольку чаще всего селфи выполняется с расстояния вытянутой руки, держащей аппарат, изображение на фото имеет характерные ракурс и композицию — под углом, чуть выше или ниже головы.

В жизни каждого человека бывают минуты, когда для него как будто рушится мир. Это называется отчаянием. Душа в этот час полна падающих звезд.

Виктор Гюго. Человек, который смеется

- Что имеете предъявить?
- Крылья.
- Ношенные?
- Конечно.
- Тогда всё в порядке. Проходите.

Ивлин Во. Мерзкая плоть

«КОСТИ»

— Нет-нет-нет. Я туда не пойду. Не хочу. Не могу. Мне неудобно, мне не нравится то, что там происходит. В конце концов, у меня просто больше нет сил...

— Послушайте. Это всего на полчаса. Полчаса — и вы свободны. — Последнюю фразу Жанна говорит по слогам, тоном, которым уговаривают маленьких детей перед кабинетом стоматолога или взрослых детей, перед тем как сдать их на руки наркологу. Кому как больше нравится.

— Ага, полчаса, а потом еще фотосессия с победителями этого, как его... — щелкаю пальцами, — ... идиотского...

— Конкурса! — радостно и несколько истерично подсказывает Жанна.

— Твоя избыточная энергетика меня пугает. Это что-то гормональное? — Тянусь за сигаретами.

— Людмила Алексеевна не курит, — намекает на владелицу кабинета, директора книжного, отделившаяся от стены женщина, похожая на полиэти-

леновый пакет для строительного мусора. Что-то бесформенное, бессодержательное и оттого таящее скрытую угрозу.

— Правильно делает, — закуриваю я, — дольше проживет. Наверное...

Краем глаза вижу, как Жанна молитвенно складывает руки на груди и томно смотрит на «полиэтиленовую». Та хмыкает и выходит за дверь.

— Я не могу по сто двадцать восьмому разу отвечать на одни и те же вопросы: «О чем ваша новая книга?» и «Чьи в герое воплотились черты?» Я уж молчу о том, что перед интервью можно было бы и прочесть книгу автора — так хотя бы в гугле порылись, суки! Посмотрели бы, что я отвечал на предыдущих встречах, чтобы идиотами не выглядеть!

— Но вы же понимаете, журналист всегда надеется, что именно ему вы ответите что-то особенное. Что-то такое, из-за чего потом его интервью на цитаты растащат.

— Что, например? — Беру со стола список вопросов. — Вот что можно ответить на эту бессмыслицу: «Чем продиктовано наличие монологов такой длины»? И, главное, язык какой конторский, ты посмотри! Такое впечатление, что он не вопросы составляет, а отчет в ментовку!

— Да, согласна, формулировочки еще те!

— И что ему ответить, чтобы, как ты говоришь, на цитаты растаскали? «Пошел ты в жопу, придурок»? Или: «Твоя мать до сих пор жалеет, что встретила твоего отца»? Что я могу сказать о длинных монологах людям, большинство которых даже сто сорок знаков в твиттере считают за «многа букоф»?

— Я сама им все расскажу. — Жанна ловко сворачивает кулек из листа с вопросами и протягивает мне эту импровизированную пепельницу. — А вы только подпишете книги, и все.

— Сама? — Я заглядываю внутрь кулька и читаю вслух: — «В чем состоит задача вашей новой книги?» Нет, это реально текст из ментовки. И что ты на это *сама* расскажешь? Что задача каждой моей новой книги — поиздеваться над читателем сильнее, чем в предыдущей? Напомнить ему, что год проходит за годом, а он, читатель, все такое же примитивное говно? Что я — еще большее говно, чем он, и вся разница между нами в том, что я поливаю его помоями бесплатно, а он мне за это платит и по телевизору меня смотрит? *Это* ты им расскажешь? Ненавижу! Всех ненавижу! — На лбу выступают капли пота. Кажется, сейчас все обернется банальной истерикой.

— Но это же не так. Они вас любят. И вы... их... — Она смотрит на меня своими фарфоровыми немигающими глазами и, кажется, сейчас расплачется. Или убедительно играет в «сейчас расплачусь». Хотя слишком она еще молода для такой убедительности.

— Любят они меня! Фигушки. Меня даже мой кот не любит.

— Мы уже задержались на пятнадцать минут. — В дверь просовывается голова полиэтиленовой. — Там полный зал, все ждут.

— Ладно. — Я тушу сигарету в стакане воды. — За это, Жанна Викторовна, ты избавишь меня от личного интервью с редактором «Новинок рынка». Ты же о нем предательски умолчала?

— Но издательство настаивает на поддержке литературной прессы! Я эту встречу полгода готовила, — откровенно канючит Жанна.

— Какая поддержка?! «Писатель поделился с нами любимыми местами для летнего отдыха» и «писатель рассказал, почему не заводит собаку»? Эти заметки, безусловно, носят литературный характер. Или, ты думаешь, будут другие? Надергай ему цитат из фейсбука, заголовки он сам придумает. Какие — уже было замечено выше, — примирительно улыбаюсь я, подмигиваю и отворачиваюсь к зеркалу.

Через сколько-то там минут я должен начать встречу с прессой, предпоследнюю, в рамках промотура моей новой книги «Кости», или «Touring the Bones», как я ее сам называю во время общения с журналистами. Называю из тщеславия, точнее, из дешевой попытки походить на интернациональную звезду (привет любимым *Depeche Mode* и *Touring the Angels*).

Справедливости ради стоит отметить, что промотур в самом деле имеет мелкую претензию на то, чтобы быть «интернациональным». Книгу купили немцы, и все началось в Берлине, с чтений перед аудиторией в сорок человек (тридцать ностальгирующих эмигрантов, три представителя немецкого издателя и семь собственно немецких читателей, помятых интеллектуалов, видимо, до сих пор живущих в парадигме рухнувшей стены и моды на литературу из «советского» блока).

Сегодняшний диалог происходит в гримерке, наскоро сооруженной в кабинете директора книжного магазина. Час назад я прилетел из Питера, где

провел последние три дня в надежде отдохнуть, с выключенным телефоном и выключенным сознанием. На мне графитовый костюм, остатки бессонницы, черная футболка с оранжевой надписью «Social Artist» и черные же круги под глазами, которые вот уже пять минут безуспешно пытается замазать несчастная гримерша. Она как синица подныривает мне под руки, стараясь не мешать, пока я курю, пью воду, говорю, параллельно листая ленту новостей в телефоне. В общем, мешаю ей работать.

В общем, я мешаю работать всем, кто меня окружает. Так было в Казани, Ростове, Нижнем Новгороде, Ярославле, Кельне, Берлине, Франкфурте, Лейпциге. (Нет, в Лейпциге не было. Там я просто нажрался, заперся в номере и провалил чтения.)

Больше всех досталось представительнице издательства Жанне. Несмотря на то что мы работаем с ней второй год, это был ее первый читательский тур со мной. Незаметная, типичная офисная мышь, увлеченная только своей работой. Исполнительная до тошноты. Всегда и везде читающая. Книги, рукописи, журнальные статьи. Все, что содержит буквы.

Конечно же, она представляла это себе совсем иначе. Близкое знакомство с автором, его друзьями — людьми из богемной тусовки: журналистами, критиками, дизайнерами, художниками, заграничными писателями. Веселые посиделки, в середине тура — долгие ужины. Разговоры о литературе, смысле жизни, состоянии общества, любви наконец. Возможно, прогулки по ночным немецким городам, в одной из которых он рассказывает тебе о замысле своей новой книги.

В реальности все было несколько иначе. Другьями писателя, теми самыми «людьми из богемной тусовки», оказались мрази со спитыми лицами, прокуренными пальцами и ничего не выражающими глазами. Почти всегда одинаково выглядящие. Они появлялись в каждом городе, одетые в стертые джинсы и сношенные кеды. В не снимаемых даже ночью солнцезащитных очках или капюшонах черных худи, скрывающих непромытые волосы. Появлялись всегда в одно и то же время — за десять минут до конца автограф-сессий — и сидели в зале, осматриваясь по сторонам, как уголовники. Обычно с собой они приводили девиц, одетых как откровенно дешевые проститутки (а писатель слыл человеком эстетских привычек в одежде, напитках и женщинах). Девицы срывались курить на улицу через пару минут после появления в зале.

Завидев друзей, писатель начинал ерзать на стуле, ускорял речь и раздачу автографов и после окончания мероприятия спешил к ним. Встреча всегда проходила странным образом: без объятий или рукопожатий, свойственных людям, которые друг друга давно не видели, без разговоров или перекуров на улице — они приветствовали друг друга кивком головы и уходили в ночь.

«Веселые посиделки» были всего один раз. Утром, в холле гостиницы, Жанна оказалась в обществе писателя и его друзей за завтраком, в течение которого компанией из пяти человек в темных очках не было сказано ни одного слова, кроме «привет». Эти пятеро литрами пили воду и апельсиновый сок и изредка глупо хихикали, показывая друг другу картинки на экранах айфонов.

В Кельне представитель немецкого издательства заметил Жанне, что у писателя *die seltsamen freunde*¹, которые выглядят, как *drogensüchtige*². Вероятно потому, что они и есть самые что ни на есть конченные *drogensu#chtige*.

Впрочем, это были единственные совместные посылки. Всю оставшуюся немецкую часть тура писатель в гостиницах не ночевал. Несчастной Жанне приходилось каждое утро часами вызванивать меня, и когда я наконец продираю глаза и бляю в трубку «алё», по неясным ориентирам вычислять мое местоположение.

Как правило, им оказывались сквоты или недостроенные лофты в фабричных районах города, куда вчерашняя студентка отправлялась с костюмом, свежей рубашкой в руках и пачкой Алка-зельтцера с витамином С в сумке. Дверь Жанне открывали одинаково выглядевшие девицы, и она блуждала по коридорам и комнатам, брезгливо перешагивая через распростертые на полу тела, перевернутые пельницы и пустые бутылки, пока не находила меня на полу кухни с косяком в зубах или поглощающим из картонки лапшу быстрого приготовления и хохочущим над немецким телешоу (я по-немецки не говорю).

Под угрозой срыва оказывалось все и всегда. Во Франкфурте я опоздал на утреннюю встречу с прессой на сорок минут, что для Германии является следующим по тяжести преступлением против человечества после убийства. В Берлине, напившись еще за

¹ странные друзья (*нем.*).

² торчки (*нем.*).

обедом, я, в компании друзей, ввязался в драку и попал в полицию. Драка началась после моих выкрикиваний «шовинистического содержания» в адрес торгующего шавермой турка (по версии полиции). Или в ходе религиозно-цивилизационного диспута (по моей версии). Неловкость улаживалась часа четыре, что позволило мне выспаться перед вечерними чтениями, но и после них я отличился.

Попытавшись склеить на пресс-конференции немецкую журналистку, я вступил в философскую (как мне казалось) дискуссию о нацизме, творчестве Альберта Шпеера и проблемах захлестнувшей Европу иммиграции, был обвинен в национализме и устроил скандал с криками: «Цензура! Цензура! Мы в свободной стране, а вы затыкаете мне рот!»

В Кельне, на встрече с журналистами, я согласился с доводами Жанны и сделал вид, что плохо говорю по-английски, предоставив ей возможность «переводить», тогда как сам молчал не связанную с делом чушь, пока она отвечала на вопросы текстами из моих предыдущих интервью.

Вечером проходивший в те дни в Кельне литературный фестиваль подарил мне аж двести зрителей, набившихся в старый кинотеатр. Лучи софитов, стоявшие в проходах люди и графин спонсорского виски вкуче с дичайшими отходняками вернули мне ощущение собственной значимости до такой степени, что, отвечая на вопрос о том, каким на самом деле мне видится финал (герой стоит на мосту, оставляя читателю поле для фантазии: бросится он вниз или уйдет обратно, в материальный мир полногрудых женщин и мужчин в возрасте IPO), я выдержал многозначительную паузу, отыскивая в памяти

значения образа моста в конфуцианстве, схоластике и буддизме, не нашел ни одного подходящего, окончательно затупил и промямлил: «I gave him a chance...» — что впоследствии было растиражировано немецкой околотитературной прессой как наследие Достоевского, или Набокова, или хрен пойми кого. Вечер закончился в компании привычных *seltsamen freunde* и двух хохлушек-иммигранток, которые (предположительно) украли у меня кошелек и мобильный телефон (в версии друзей кошелек был отдан дилеру, сопровождается цитатой из Гёте, а телефон... скажем, утерян). В общем, все прошло исключительно удачно.

В Лейпциге я дал Жанне честное слово, что не выйду на улицу до мероприятия и не воспользуюсь мини-баром (предварительно опечатан) или рум-сервисом (оповещен) и, надо сказать, сдержал его. Жанна весь день просидела в холле и сопровождала каждого подозрительного гостя до дверей моего номера.

«Польский литературный агент» в безукоризненном костюме и красном галстуке подозрений у Жанны не вызвал, и она милостиво согласилась пообедать с нами на первом этаже отеля. Стоит ли говорить, что чужая наивность и добросердечие — самые легкие для употребления плоды, и, когда Жанна отлучилась в туалет, мне были переданы вещества и алкоголь. Чтения в Лейпциге, как сказано выше, не состоялись.

На обратном пути, в поезде «Лейпциг — Берлин», после того как я час сорок вдумчиво протираю клавиши ноутбука салфеткой, Жанна наконец заговорила со мной, заметив, что в таком виде ехать в Рос-